

Х О С Е Р И В Е Р А

ТИШИНА

ПОСЛЕ КРИКА

18+

Хосе Ривера

Тишина после крика

«Автор»

2026

Ривера Х.

Тишина после крика / Х. Ривера — «Автор», 2026

Девятилетний Денис исчезает из элитного лагеря, а версия о несчастном случае кажется его отцу слишком удобной. Андрей начинает собственное расследование и выходит на закрытую сеть, где детей лишают воли. Чтобы спасти сына, ему придется раскрыть правду.

© Ривера Х., 2026

© Автор, 2026

Хосе Ривера

Тишина после крика

Настоящее издание является художественным произведением. Персонажи, диалоги, сюжетные линии, организации, события и обстоятельства, описанные в книге, созданы в рамках авторского художественного замысла. Произведение не является документальным исследованием, журналистским расследованием или утверждением о фактах в отношении конкретных лиц, организаций либо событий. Любые возможные совпадения с реальными лицами, организациями, названиями, общественными спорами, судебными делами или иными обстоятельствами являются случайными и непреднамеренными. Реплики, мнения и оценки персонажей относятся к художественному повествованию и не выражают позицию автора в отношении конкретных реальных лиц или организаций.

Пролог

Андрей сидел в салоне своего внедорожника, не выключая двигатель. Фары выхватывали из темноты глухую стену соснового бора у обочины заброшенного шоссе под Выборгом. Стеклоочистители монотонно, со скрипом гоняли по лобовому стеклу водяную пыль. Этот звук — *вжух-вжух, вжух-вжух* — казался Андрею метрономом, отсчитывающим остатки его рассудка.

На пассажирском сиденье лежала старая кассета формата VHS в потертom пластиковом подкассетнике без надписей. Ее подбросили под дверь его городской квартиры три часа назад. Андрей не стал вызывать полицию. Он знал, что если в дело вмешаются люди в форме, цепочка оборвется. В его мире — мире крупных инвестиций и жесткого аудита — доверие стоило дорого, а государственные структуры слишком часто напоминали неповоротливый механизм, способный лишь раздавить то, что пытался защитить.

Он потянулся к бардачку, достал портативный видеоплеер с небольшим экраном — старую рабочую игрушку, которую когда-то использовал для проверки записей безопасности на объектах. Пальцы слегка дрожали, когда он вставлял кассету. Механизм с тихим щелчком заглотил пластиковый корпус. Экран моргнул, заливая салон тусклым синеватым светом.

Сначала появился шум — белый шум аналоговой ленты, похожий на шорох сухого осеннего листа по бетону. Затем картинка стабилизировалась.

Это была комната без окон. Серые бетонные стены, тусклая лампа под потолком. В центре кадра стоял простой деревянный стул. На нем сидел Денис. Его девятилетний сын.

Андрей затаил дыхание. Сердце забило в горле, мешая дышать. Денис был одет в ту же синюю куртку, в которой уехал в лагерь две недели назад. Но его лицо... На нем не было следов побоев или страха. Оно было пугающе спокойным. Мальчик смотрел прямо в объектив камеры, но взгляд его казался пустым, словно направленным сквозь стекло, в какую-то иную, недоступную взрослым реальность.

За кадром раздался голос. Он не был изменен модулятором. Это был глубокий, мягкий, почти отеческий баритон человека, привыкшего говорить перед большой аудиторией. В его интонациях слышалась спокойная уверенность лектора или священника.

— Ты думал, что контролируешь свою жизнь, Андрей, — произнес голос. — Ты считал, что твои цифры, твои отчеты и твои миллионы могут защитить то, что тебе дорого. Но ты забыл самое главное. Ты отдал своего сына миру, который давно прогнал. Ты оставил его среди тех, кто торгует душами под видом заботы. Мы не похитили его. Мы изъяли его из зоны заражения.

Картинка на экране дернулась. Денис медленно поднял руку и показал на камеру ладонь. На его ладони синим маркером был нарисован странный символ — круг, перечеркнутый тремя параллельными линиями.

— Он больше не принадлежит твоей системе, — продолжил голос. — Теперь он там, где его научат видеть истину. Если ты хочешь вернуть его, тебе придется пройти его путь. Но помни: каждый твой шаг назад приближает его к окончательному очищению. А очищение требует жертв.

Экран снова залило синевой, а затем — мертвой рябью белого шума.

Андрей медленно опустил голову на руль. Лоб уперся в холодную кожу. Внутри него росла пустота — холодная, как ноябрьский дождь за окном. Он вспомнил их последний разговор с Денисом на вокзале перед отправкой поезда в лагерь «Светлый путь». Мальчик просил его остаться, не уезжать в очередную командировку в Женеву. Денис держал его за рукав дорогого пальто и тихо говорил: «Папа, там, в лесу, темно. Там есть люди, которые смотрят из-за деревьев».

Андрей тогда лишь рассмеялся, потрепал сына по плечу и сказал, что в современном лагере с круглосуточной охраной и видеонаблюдением никаких «людей из леса» быть не может. Он верил в технологии, в контракты, в систему безопасности, за которую заплатил тройную цену.

Теперь эта вера лежала перед ним в виде куска магнитной ленты.

Он посмотрел на свои часы. Циферблат светился мягким зеленым светом. 23:45. Время, когда нормальные люди спят. Но для Андрея сон закончился три дня назад, когда директор лагеря позвонил и дрожащим голосом сообщил, что Денис не вернулся с вечерней прогулки по территории.

Андрей включил передачу. Внедорожник мягко тронулся с места, разрезая фарами ночную мглу. Он ехал туда, где все началось — к запертым воротам лагеря «Светлый путь». Он знал, что полиция уже прекратила активные поиски в лесу, списав все на несчастный случай на воде. Но Андрей не верил в несчастные случаи. Он верил в причинно-следственные связи. И сейчас эти связи вели его в самую гущу карельских болот, туда, где человеческая жизнь стояла не дороже старой кассеты.

Дождь усиливался, превращая дорогу в скользкую серую ленту. Андрей ехал вперед, и в такт движению дворников в его голове стучала одна и та же мысль: *Я найду тебя, Денис.*

Глава 1. Мокрый след

Дорога от федеральной трассы к лагерю петляла между вековыми карельскими соснами, то взбираясь на песчаные холмы, то ныряя в низины, где туман стоял такой плотный, что фары внедорожника едва пробивали его на несколько метров вперед. Дождь, начавшийся еще в Ленинградской области, здесь, ближе к границе, превратился в сплошную водяную стену. Тяжелые капли с глухим стуком разбивались о капот, и этот монотонный шум сливался с гулом ветра в кронах деревьев.

Андрей вел машину автоматически, почти не глядя на навигатор. Его разум, привыкший к четким алгоритмам и финансовым моделям, сейчас работал на пределе возможностей, пытаясь структурировать хаос последних суток. В его прежней жизни — жизни успешного инвестиционного аудитора — любая проблема имела цену и решение. Нестыковка в отчетах устранялась дополнительной проверкой, конфликт с партнерами — компромиссом или жестким юридическим давлением. Но сейчас, когда на заднем сиденье лежала кассета с записью его сына, все его прежние инструменты казались бесполезными игрушками.

Он вспомнил рекламный буклет лагеря «Светлый путь», который бывшая жена Елена прислала ему на электронную почту два месяца назад. «Элитный центр детского отдыха в экологически чистом районе Карелии», — гласил заголовок. На глянцевых фотографиях улыбающиеся дети занимались парусным спортом, собирали роботов и позировали на фоне современных деревянных коттеджей. В тексте особо подчеркивалась безопасность: закрытая территория, круглосуточная военизированная охрана, современная система видеонаблюдения без слепых зон. Андрей тогда лишь мельком взглянул на стоимость смены — сумма была вну-

шительной, но для него несущественной — и перевел деньги, чувствуя привычное облегчение от того, что долг отца выполнен в твердой валюте.

Теперь, подъезжая к массивным воротам из темного дерева, он видел совсем другую картину. В свете фар лагерь выглядел заброшенным форпостом среди дикой тайги. Высокий забор из металлической сетки, увенчанный рядами колючей проволоки, уходил в темноту леса. На воротах не было никаких приветственных вывесок, только небольшая табличка с лаконичной надписью: «Детский центр. Вход воспрещен».

Из деревянной сторожки, кутаясь в брезентовый плащ, медленно вышел охранник. Он не торопился открывать ворота, долго разглядывал номера машины, затем подошел к стеклу водительской двери.

— К кому? — хмуро спросил он, даже не пытаясь перекричать шум дождя.

— Я Андрей Воронов. Отец Дениса, — ответил Андрей, опуская стекло. Холодные капли тут же ударили ему в лицо.

Лицо охранника мгновенно изменилось. Напряжение в его позе сменилось какой-то виноватой суетливостью. Он отступил на шаг, махнул рукой кому-то внутри сторожки, и тяжелые створки ворот медленно поползли в стороны.

— Проезжайте к главному корпусу. Там следователь и директор, — бросил он на ходу, уже возвращаясь в тепло будки.

Андрей медленно поехал по гравийной дорожке, мимо пустующих игровых площадок и темных силуэтов жилых домиков. Внутри него росло тяжелое, липкое предчувствие. Этот лагерь, позиционировавшийся как вершина комфорта и безопасности, на самом деле выглядел как изолятор. Еще в Петербурге, перед выездом, Андрей успел сделать несколько звонков своим контактам в налоговой службе. Результаты короткого экспресс-анализа его удивили: юридическое лицо лагеря «Светлый путь» было лишь ширмой. Фактически все имущество, земля и строения находились на балансе закрытого благотворительного фонда, чьи учредители скрывались за цепочкой офшоров и номинальных лиц. Никакой коммерческой прибыли лагерь не приносил, существуя исключительно на целевые пожертвования этого фонда. Зачем элитному детскому центру такая сложная и непрозрачная структура владения, Андрей тогда понять не успел. Теперь ему предстояло выяснить это на месте.

Кабинет директора был обставлен простой офисной мебелью, которая никак не вязалась с понятием «элитного» заведения. На стенах висели грамоты в дешевых рамках и карта окрестностей с нанесенными на нее красными маркерами поисковых маршрутов.

За столом сидел мужчина средних лет в помятом гражданском костюме — директор лагеря Валерий Петрович. Его лицо было бледным, под глазами залегли темные тени, а пальцы непрерывно терзали пластиковый стаканчик с остывшим чаем. В углу, на кожаном диване, развалился человек в форме капитана полиции. Его форменная куртка была расстегнута, обнажая серую форменную рубашку. На его лице читалась глубокая, профессиональная усталость, граничащая с равнодушием.

— Андрей Сергеевич, — директор вскочил со стула, как только Андрей переступил порог. — Мы... мы потрясены. Это чудовищное недоразумение. Мы подняли всех...

— Где мой сын? — тихо спросил Андрей. Он не стал раздеваться, остался стоять у двери, засунув руки в карманы куртки. Его голос звучал ровно, без истерики, но в этой ровности была угроза, которую директор почувствовал сразу.

— Поиски ведутся, — подал голос капитан с дивана. Он поднялся, не торопясь, протянул Андрею тяжелую, влажную ладонь. — Бахов, оперуполномоченный уголовного розыска. Мы тут со вчерашнего дня без сна.

Андрей проигнорировал протянутую руку. Бахов ничуть не смутился, убрал ладонь в карман и подошел к карте на стене.

— Ситуация у нас, прямо скажем, нехорошая, — заговорил Бахов, тыча коротким пальцем в синее пятно на карте, обозначавшее озеро. — Мальчик ваш, Денис, пропал в ночь с четверга на пятницу. Камеры зафиксировали, как он вышел из корпуса около двух часов ночи. На нем была куртка, обувь. Он направился в сторону пирса. Мы предполагаем, что он пошел к воде.

— Почему он пошел туда ночью? — спросил Андрей.

— Дети, — Бахов пожал плечами. — Лунатизм, спор с ребятами, просто глупость подростковая. Озеро у нас глубокое, карстовое. Там сразу у берега обрыв идет метров на восемь. Вода сейчас — плюс четыре градуса. Человек в такой воде теряет сознание от переохлаждения за пять-семь минут. Спаситься шансов практически нет.

— Вы нашли тело? — Андрей заставил себя произнести эти слова, хотя каждый слог отзывался тупой болью в затылке.

— Водолазы МЧС работали весь вчерашний день, — вздохнул капитан. — Но там на дне коряжник, видимость нулевая из-за дождей, ил поднялся. Течение сильное, подводные ключи. Тело могло унести под скалы или зажать между бревнами. Мы продолжаем поиски, но... надо быть реалистами, Андрей Сергеевич. Скорее всего, несчастный случай на воде. Тело всплывет через неделю-две, когда вода немного потеплеет или газы начнут выделяться. Это физиология, тут ничего не поделаешь.

Андрей внимательно смотрел на следователя. В его словах была логика, но эта логика казалась слишком гладкой, слишком удобной для всех присутствующих.

— Если он упал с пирса, на берегу должны быть следы, — сказал Андрей. — Земля вокруг озера — сплошная глина. Дождь идет третьи сутки. Ребенок весом в тридцать пять килограммов не мог пройти по этой грязи к воде и не оставить ни одного глубокого отпечатка обуви.

Бахов поморщился, словно у него разболелся зуб.

— Андрей Сергеевич, вы не понимаете специфику местной почвы. Там везде хвоя, мох, камни. К тому же, дождь такой силы смывает любые следы за пару часов. Мы проверили берег с собаками. Собаки след не взяли — вода все забила.

— А камеры? — Андрей повернулся к директору. — Вы утверждали, что у вас современная система наблюдения. Покажите мне запись, где Денис идет к озеру.

Директор засуетился, его лицо покрылось красными пятнами.

— Понимаете... как раз в ту ночь у нас произошел сбой на сервере. Гроза, молния повредила распределительный щит. Часть камер отключилась. Запись с той камеры, которая смотрит на пирс, оказалась повреждена. Мы смогли восстановить только несколько секунд, где виден силуэт, похожий на Дениса, уходящий в сторону леса... то есть, в сторону озера.

— Силуэт, похожий на Дениса? — Андрей сделал шаг вперед, и директор инстинктивно отступил назад, упершись спиной в свой стол. — Вы продали мне безопасность моего сына за миллион рублей в неделю. И теперь вы говорите, что у вас не работают камеры, а полиция предлагает мне просто ждать, пока всплывет тело?

— Гражданин Воронов, давайте без угроз, — жестко вмешался Бахов, делая шаг между Андреем и директором. — Мы делаем свою работу. Версия с утоплением — основная и единственная рабочая на данный момент. Все остальное — ваши эмоции. Я понимаю ваше состояние, но мешать проверке я не позволю.

Андрей посмотрел на Бахова. В глазах капитана не было сочувствия. Там было лишь желание поскорее закрыть это дело, списать его на несчастный случай и уехать из этого проклятого дождем леса обратно в свой теплый кабинет. Система не хотела искать. Система хотела тишины.

Комната Дениса находилась на втором этаже спального корпуса. Это было небольшое помещение, рассчитанное на двоих детей, но Денис жил здесь один — еще одна привилегия, за которую Андрей заплатил сполна.

Когда Андрей вошел туда, его поразила стерильность комнаты. Кровать была аккуратно заправлена, на письменном столе лежали ровные стопки тетрадей, на вешалке висела запасная куртка. Все выглядело так, словно здесь никто никогда не жил. Или словно здесь провели тщательную уборку перед его приездом.

Бахов остался стоять в дверях, прислонившись к косяку и демонстративно глядя на часы.

— Мы тут уже все осмотрели, — лениво произнес он. — Ничего подозрительного. Личные вещи, учебники. Мальчик просто ушел ночью.

Андрей не ответил. Он подошел к кровати, опустился на колени и заглянул под нее. Там было пусто. Он поднялся, подошел к прикроватной тумбочке. Внутри лежали сменное белье, пара настольных игр и зарядное устройство для телефона. Сам телефон, по словам Бахова, остался в комнате и сейчас находился у следователей, но они не нашли в нем ничего, кроме обычных переписок с матерью и одноклассниками.

Андрей выдвинул ящик тумбочки до упора. Его пальцы нащупали заднюю стенку деревянного каркаса. Там, в узком зазоре между выдвижным ящиком и задней панелью тумбочки, что-то было. Он просунул руку глубже, с трудом преодолевая сопротивление дерева, и его пальцы коснулись плотного пластика.

Он аккуратно вытащил находку. Это был небольшой блокнот в черной пластиковой обложке на пружине. Денис никогда не расставался с подобными вещами — он любил рисовать, но дома всегда показывал свои рисунки отцу, гордясь каждым законченным наброском. Этот блокнот был спрятан намеренно.

Андрей повернулся спиной к Бахову, чтобы тот не видел его рук, и быстро открыл блокнот.

Первые страницы были чистыми. Затем пошли рисунки. Но это были не привычные машинки, супергерои или пейзажи, которые Денис рисовал раньше.

На плотной бумаге черной гелевой ручкой были изображены странные, пугающие существа. У них были длинные, неестественно тонкие конечности, вытянутые безликие головы и огромные пустые глазницы. Они стояли среди деревьев, которые выглядели как острые пики, уходящие в небо. На одном из рисунков такое существо держало за руку маленького мальчика. Мальчик был нарисован очень схематично, но на его лице была улыбка — странная, застывшая, похожая на гримасу.

Но самым страшным был не сам рисунок. В углу каждой страницы был выведен один и тот же символ.

Круг, перечеркнутый тремя параллельными вертикальными линиями.

Тот самый символ, который Андрей видел на видеокассете несколько часов назад. Тот самый знак, который был нарисован на ладони его сына.

Андрей почувствовал, как к горлу подступает холодный ком. Его сын не просто ушел ночью к озеру. Его сын находился под чьим-то влиянием. Кто-то заставил его рисовать эти символы. Кто-то внушил ему эти образы.

Он перевернул страницу. Там, детским, еще не устоявшимся почерком Дениса, было написано несколько строк:

«Он приходит, когда все спят. Он говорит, что лес живой и он ждет меня. Он говорит, что папа слишком занят своими цифрами, чтобы услышать мой крик. Но Он слышит. Он обещал забрать меня туда, где всегда тихо и тепло. Мне страшно, но я хочу пойти с ним».

Андрей зажмурился. Каждое слово этой записи било по его самолюбию, по его чувству вины, которое он так тщательно подавлял все эти годы. «Папа слишком занят своими цифрами...» Это была правда. Он всегда был занят. Он считал, что обеспечивает будущее сына,

а на самом деле просто сбегал от ответственности, от необходимости быть отцом, от холода, который поселился в их доме после развода с Еленой.

— Ну что вы там нашли? — раздался сзади скучающий голос Бахова.

Андрей мгновенно захлопнул блокнот и спрятал его во внутренний карман куртки. Его движения были быстрыми и точными, отточенными годами работы с конфиденциальными документами.

— Ничего, — спокойно ответил он, поворачиваясь к следователю. — Просто пустая тумбочка.

Бахов хмыкнул.

— Я же говорил. Не теряйте времени, Андрей Сергеевич. Поезжайте в гостиницу в городе, отдохните. Как только водолазы что-то найдут, я вам сразу сообщу.

Андрей вышел из спального корпуса. Дождь не утихал, превращая дорожки лагеря в грязные ручьи. Он не собирался уезжать. Он знал, что если сейчас уедет, то потеряет единственную нить, которая связывала его с сыном.

Он пошел в сторону столовой — длинного одноэтажного здания из серого кирпича. Около входа, под навесом, спасаясь от дождя, стояла молодая девушка в яркой желтой куртке-дождевике. Она нервно курила, постоянно оглядываясь по сторонам. Андрей вспомнил ее лицо по фотографиям на сайте лагеря. Это была Алина, вожатая отряда, в котором находился Денис.

Он направился прямо к ней. Девушка заметила его приближение, вздрогнула и попыталась спрятать сигарету за спину, но Андрей жестом показал, что ему все равно.

— Алина? — спросил он, останавливаясь под навесом.

— Да... — тихо ответила она, глядя на него испуганными глазами. — Вы отец Дениса, верно? Я... мне так жаль. Он был очень хорошим мальчиком. Спокойным, послушным.

— Алина, мне не нужны соболезнования, — мягко, но настойчиво произнес Андрей. — Мне нужна правда. Вы ведь не верите, что он утонул?

Девушка побледнела еще сильнее. Она бросила быстрый взгляд на окна административного корпуса, который был виден сквозь пелену дождя.

— Я... я не знаю. Следователь сказал...

— Следователь хочет закрыть дело, — перебил ее Андрей. — А я хочу найти своего сына. Вы проводили с ним каждый день. Что происходило в лагере в последнюю неделю? Он вел себя странно?

Алина замялась, ее пальцы, державшие сигарету, заметно дрожали. Она сделала глубокий вдох, словно решаясь на что-то опасное.

— Он... он изменился примерно за неделю до исчезновения, — прошептала она, делая шаг назад, в тень навеса. — Стал замкнутым. Перестал общаться с ребятами. Постоянно что-то рисовал в своем блокноте. Я пыталась посмотреть, но он сразу его прятал. А еще... он стал бояться темноты. Раньше за ним такого не водилось, а тут начал просить не выключать свет в коридоре.

— Это началось после чего-то конкретного? — спросил Андрей, чувствуя, как внутри него натягивается невидимая струна.

Алина снова оглянулась. Ее голос стал еще тише, почти неразличимым за шумом дождя.

— За неделю до этого... к нам приезжали люди. Это было странно. Обычно к детям приезжают родители по выходным. Но эти приехали в среду, посреди дня. Трое мужчин в очень дорогих, строгих костюмах. Они не были похожи на местных или на обычных родителей. Они приехали на огромном черном внедорожнике без номеров.

— Без номеров? — Андрей нахмурился.

— Да. Вместо номеров у них были какие-то металлические заглушки. Директор сам встречал их у ворот. Он буквально стелился перед ними. Они не заходили в администрацию. Они просто ходили по территории, смотрели на детей. И... они очень долго стояли около

нашего корпуса. Один из них, высокий такой, с седыми волосами и аккуратной бородкой, подошел к Денису, когда тот сидел на скамейке. Я была далеко, не слышала, о чем они говорили. Но этот мужчина положил руку Денису на плечо, и Денис... он даже не шелохнулся. Словно замороженный был. А потом этот человек дал ему что-то. Маленькую бумажку или карточку.

— Вы спросили у директора, кто это?

— Спросила, — Алина горько усмехнулась. — Валерий Петрович на меня так наорал, как никогда в жизни не орал. Сказал, чтобы я не лезла не в свое дело, если хочу доработать смену и получить деньги. Сказал, что это представители попечительского совета фонда, который нас финансирует. Что они имеют право проверять лагерь в любое время. Но они не были похожи на проверяющих, Андрей Сергеевич. Они смотрели на детей так... словно выбирали товар в магазине.

Девушка внезапно замолчала, заметив, что из дверей административного корпуса вышел Бахов и направился в их сторону.

— Мне пора, — испуганно бросила она, бросив окурок в лужу. — Пожалуйста, не говорите никому, что я вам это рассказала. У этого фонда... у них очень длинные руки. Нам всем здесь жить.

Она быстро развернулась и скрылась за дверью столовой, оставив Андрея одного под холодными струями воды.

Слова Алины подтверждали худшие опасения Андрея. Дениса вели. Его изучали заранее. Это не было спонтанным похищением ради выкупа — за три дня никто не связался с ним и не потребовал денег. Это было что-то другое, гораздо более спланированное и страшное.

Андрей пошел в обход спального корпуса, направляясь к дальнему краю территории лагеря, туда, где забор примыкал к глухому лесу. Дождь продолжал заливать глаза, холодная вода уже просочилась под воротник куртки, но он не обращал на это внимания. Его мозг работал в режиме жесткого анализа.

Он шел вдоль металлической сетки забора. В некоторых местах она была покрыта ржавчиной, в других — укреплена свежими деревянными столбами. Примерно в ста метрах от жилых корпусов, там, где начиналась старая, заброшенная просека, Андрей остановился.

В заборе была дыра. Сетка была аккуратно перерезана специальным инструментом — срезы были ровными, без зазубрин. Кто-то проделал этот проход намеренно, а затем просто прикрыл его ветками сосны, чтобы дыра не бросалась в глаза с территории лагеря.

Андрей протиснулся сквозь прорезь в сетке и оказался на старой лесной дороге. Здесь, под прикрытием густых крон деревьев, дождь ощущался не так сильно, но земля превратилась в сплошное месиво из глины и прелой хвои.

Он посмотрел под ноги и замер.

На размокшей глине отчетливо виднелись глубокие, свежие следы автомобильных шин. Это были не узкие следы колес полицейского УАЗа или трактора местных лесничих. Рисунок протектора был широким, сложным, с характерными грунтозацепами, которые оставляют только тяжелые внедорожники премиум-класса.

Андрей опустился на одно колено, не заботясь о том, что пачкает дорогие брюки в грязи. Он внимательно изучил отпечатки. Вода еще не успела полностью размыть края рисунка, а значит, машина стояла здесь совсем недавно. Возможно, в ту самую ночь, когда исчез Денис.

Рядом со следами шин на глине виднелись отпечатки обуви. Один след принадлежал взрослому человеку — тяжелый армейский ботинок с глубоким протектором. А рядом... рядом был маленький, едва заметный отпечаток детского кроссовка. Денис шел сам. Его не тащили силой. Он шел рядом с этим человеком, шаг в шаг, послушно и спокойно.

Андрей вспомнил слова Бахова: «Мы проверили берег, дождь все смыл, следов нет».

Они не проверяли эту просеку. Или, что гораздо вероятнее, они намеренно проигнорировали эти следы. Полиция не могла не заметить прорезь в заборе и следы тяжелого внедорожника прямо за ней. Но Бахов настойчиво продолжал продвигать версию с утоплением.

Андрей поднялся с колен. Его руки дрожали от смеси ярости и ледяного спокойствия, которое всегда приходило к нему в моменты самых тяжелых кризисов.

Официальная версия была сфабрикована. Лагерь, полиция, благотворительный фонд — все они были частью одной цепочки, которая вела к исчезновению его сына. И эта цепочка уходила далеко за пределы этого карельского леса.

Он вытащил из кармана телефон, сделал несколько снимков следов шин и прорези в заборе. Экран мобильного телефона моргнул, показывая отсутствие сети — здесь, в низине, связь окончательно пропала.

Андрей посмотрел в глубь темного, молчаливого леса. Деревья стояли плотной стеной, словно скрывая тайну, которую он только что начал приоткрывать. Он знал, что возвращаться в город и ждать официальных результатов — значит потерять сына навсегда. Ему придется действовать самому, используя все свои ресурсы, все свои связи и ту холодную, расчетливую злость, которая сейчас вытесняла из его души остатки страха.

Он развернулся и пошел обратно к машине. В его кармане лежал черный блокнот с рисунками безликих существ, а в голове стучала одна и та же мысль: его сын жив, и тот, кто забрал его, оставил мокрый, но вполне отчетливый след.

Глава 2. Молчание

Петербург встретил Андрея нескончаемым дождем, который преследовал его от самых карельских болот. На въезде в город, у развязки Кольцевой автодороги, фары выхватывали из серой мглы безликие силуэты новостроек Парнаса. Огромные, многоэтажные Человейники казались гигантскими надгробиями, уходящими в низкое, сочащееся влагой небо. Город выглядел холодным, равнодушным механизмом, перемалывающим миллионы жизней в режиме ежедневной рутины.

Андрей не спал больше суток. Глаза жгло, словно в них насыпали песка, а в затылке поселилась тупая, пульсирующая боль. Он вел машину на автопилоте, едва реагируя на редкие в этот предрассветный час автомобили. На пассажирском сиденье лежала папка с документами, которую он успел забрать из своего городского офиса перед поездкой на Васильевский остров, и черный блокнот Дениса.

Его аналитический ум, натренированный годами жесткого финансового аудита, отказывался принимать официальную версию следствия. Капитан Бахов мог сколько угодно твердить об утоплении, но следы тяжелого внедорожника на заброшенной просеке и аккуратно перерезанная сетка забора говорили об обратном. Дениса увели. И увели те, кто имел беспрепятственный доступ на территорию лагеря.

В половине шестого утра Андрей припарковал внедорожник на 10-й линии Васильевского острова. Здесь, в полуподвальном помещении старого доходного дома, располагалось круглосуточное кафе. В такое время здесь не было никого, кроме сонного бариста и редких полуночников, ищущих укрытия от дождя.

Человек, которого Андрей ждал, уже сидел в самом дальнем углу, под тусклым бра. Кирилл Широков, журналист небольшого независимого издания «Невский репортер», выглядел помятым и испуганным. На нем было старое кожаное пальто с потертыми рукавами, а перед ним стояла большая кружка остывшего чая. Широков нервно потирал руки и постоянно поглядывал на входную дверь.

— Вы рискуете, Андрей Сергеевич, встречаясь со мной, — тихо произнес Широков, когда Андрей опустился на стул напротив него. — И меня подставляют. В наших краях вопросы о фонде «Ориентир» задавать не принято.

— Мой сын пропал, Кирилл, — Андрей ответил тихим, лишенным эмоций голосом. — У меня больше нет категорий риска. Рассказывайте все, что у вас есть.

Широков вздохнул, открыл свой потрепанный рюкзак и достал плотную пластиковую папку. Он не стал передавать ее сразу, а прижал ладонью к столу, словно все еще сомневался.

— «Ориентир» — это не просто благотворительный фонд, который подбрасывает деньги детским лагерям, — заговорил журналист, наклоняясь ближе к Андрею. — На бумаге это чистейшая филантропия. Помощь трудным подросткам, организация патриотического воспитания, поддержка традиционных ценностей. Но если посмотреть на их финансовые потоки, картина меняется. Они сидят на трех источниках финансирования. Первый — это целевые субсидии регионального комитета по делам молодежи. Деньги налогоплательщиков, которые уходят туда без всякого реального контроля за результатом. Второй — пожертвования от весьма специфических, ультраконсервативных религиозных организаций. И третий — частные взносы от крупных бизнесменов, у которых внезапно проснулась тяга к духовности.

Андрей внимательно слушал, фиксируя детали. Его профессиональный взгляд мгновенно выстраивал схему.

— Зачем им лагерь в такой глуши? — спросил он.

— Для изоляции, — коротко ответил Широков. — Лагерь «Светлый путь» — это их закрытая база. Туда отправляют не просто отдохнуть. Туда направляют детей, чье поведение, по мнению фонда или их покровителей, требует «коррекции». И вот тут начинается самое интересное. Год назад мне в руки попал один документ. Это копия внутреннего отчета о методах психологического давления, которые используются в этих центрах.

Журналист наконец пододвинул папку к Андрею. Тот открыл ее. На пожелтевших листах формата А4, распечатанных на плохом принтере, содержался детальный анализ программ «духовной реабилитации». Андрей быстро пробежал глазами по строчкам, и с каждым абзацем его лицо становилось все более жестким.

В отчете описывались методики, которые сложно было назвать педагогическими. Полная изоляция ребенка от привычной информационной среды, изъятие любых гаджетов, жесткий распорядок дня с многочасовыми лекциями и групповыми сессиями. Но главным элементом системы было так называемое «разрушение эго». Детей систематически убеждали в том, что их прежняя жизнь, их семьи, их увлечения — это «зона духовного заражения». Использовались техники суггестивного воздействия, направленные на внушение чувства глубокой вины перед родителями и обществом.

— Это разработал некий доктор Волков, — пояснил Широков, заметив, на каком разделе Андрей остановился. — Валерий Евгеньевич Волков. Он у них главный идеолог. Официально — клинический психолог, член экспертного совета по борьбе с деструктивными культами при региональном ведомстве. На деле — человек, который профессионально занимается тем, что ломает детскую психику, подменяя личность ребенка нужными установками. Они называют это «спасением от пагубного влияния современной культуры».

Андрей вспомнил рисунки Дениса. Безликие существа с длинными конечностями, застывшие улыбки, символ круга с тремя линиями. Это не были фантазии ребенка. Это были визуальные образы, внедренные в его сознание в процессе такой «коррекции».

— Но это еще не все, — Широков понизил голос до шепота. — Я начал копать глубже. «Ориентир» работает давно, и ваш сын — не первый, кто исчез из их поля зрения. За последние три года из учреждений, так или иначе связанных с этим фондом, пропали еще двое детей.

Андрей замер, его пальцы сжали край стола.

— Имена? — спросил он.

— Первый случай — октябрь 2021 года, — Широков заглянул в свои записи. — Одиннадцатилетний Максим Козлов. Находился в приюте временного содержания в Приозерске, который курировал «Ориентир». Официальная версия — побег, мальчик якобы ушел в лес и

замерз или утонул в Вуоксе. Тело не нашли. Дело закрыли через три недели за отсутствием состава преступления. Второй случай — июль 2022 года. Десятилетняя Анна Дмитриева. Пропала из летнего лагеря в Лужском районе. Тоже под патронажем фонда. Версия следствия — заблудилась в болотах. Поиски прекратили через месяц. И снова — никакого шума в прессе, полная тишина. Местные отделы полиции закрывали дела с поразительной быстротой.

— Кто-то очень влиятельный прикрывает их на региональном уровне, — констатировал Андрей.

— Именно, — кивнул журналист. — Каждый раз, когда кто-то пытается задавать вопросы, включается административный ресурс. Дела списывают на несчастные случаи, родителей запугивают или убеждают не поднимать волну. А тех, кто не соглашается, просто уничают социально.

Широков замолчал, нервно отхлебнул чаю. Андрей смотрел на лежащие перед ним бумаги. Два исчезнувших ребенка. Два закрытых дела. И теперь — его Денис. Система работала без сбоев, потому что общество предпочитало не замечать чужую боль, списывая все на трагические случайности.

— Почему вы не опубликовали это? — спросил Андрей, глядя журналисту прямо в глаза.

Широков горько усмехнулся, и в его взгляде Андрей увидел смесь страха и глубокого стыда.

— А где опубликовать, Андрей Сергеевич? В моей газете, которую читают три тысячи человек и которую закроют на следующий день после публикации? Или на федеральных каналах, где попечители этого фонда сидят в жюри патриотических конкурсов? Мне прямо сказали: если я хочу продолжать писать о городских субботниках и ремонте дорог, мне нужно забыть слово «Ориентир». У меня семья, двое детей. Я не герой. Я просто передаю это вам, потому что у вас есть ресурсы, которых нет у меня. Может, вы сможете сделать то, что не смог я.

Андрей медленно закрыл папку.

— Спасибо, Кирилл. Вы сделали больше, чем думаете.

Он поднялся, оставив на столе несколько крупных купюр, и вышел на улицу. Дождь продолжал хлестать по асфальту, смывая следы ночи. В его голове складывалась страшная картина. Его сын не просто потерялся. Его забрала машина, детали которой были тщательно продуманы и смазаны государственными деньгами. И чтобы остановить эту машину, ему нужно было понять, как она проникла в его собственную жизнь.

Квартира Елены находилась в элитном жилом комплексе на набережной Малой Невки. Это было место для тех, кто ценил приватность и дорогой комфорт: закрытый двор, консьерж в строгом костюме, бесшумные лифты и панорамные окна с видом на серую, вздувшуюся от дождя реку. Андрей сам покупал эту квартиру для нее и Дениса после развода, надеясь, что материальное благополучие сможет компенсировать его постоянное отсутствие.

Он поднялся на седьмой этаж и нажал на кнопку звонка. Дверь открылась не сразу.

Андрей не видел бывшую жену около трех месяцев, и то, как она выглядела сейчас, поразило его. Всегда безупречная, ухоженная, следящая за каждой деталью своего внешнего вида, теперь она казалась блеклой тенью самой себя. На ней был простой, растянутый серый кардиган, волосы были небрежно собраны в пучок, а на лице не было ни грамма косметики. Но больше всего Андрея испугал ее взгляд. Глаза Елены были полуприкрыты, зрачки слегка расширены, а движения казались заторможенными, словно она находилась под действием сильных успокоительных препаратов.

— Андрей? — тихо произнесла она, не выражая ни удивления, ни радости. — Зачем ты приехал? Уже так рано... или поздно?

— Лена, нам нужно поговорить, — Андрей мягко, но настойчиво отодвинул ее плечом и вошел в прихожую.

В квартире царила странная, гнетущая тишина. Обычно здесь всегда шумел телевизор, играла музыка или слышался смех Дениса. Сейчас пространство казалось вымершим. На вешалке одиноко висела маленькая синяя куртка сына — та, которую он не взял с собой в лагерь.

— Из лагеря звонили, — сказала Елена, медленно закрывая дверь. Она говорила ровным, монотонным голосом, лишенным каких-либо эмоций. — Сказали, что Денис... что произошел несчастный случай. Они ищут его в озере.

— И это все? — Андрей повернулся к ней, чувствуя, как внутри него закипает ярость. — Твой сын пропал трое суток назад. Полиция пытается убедить меня, что он утонул, хотя на берегу нет следов, а забор лагеря перерезан. А ты стоишь здесь и говоришь об этом так, словно у тебя пропал зонтик!

Елена не вздрогнула от его резкого тона. Она лишь покачала головой и прошла в гостиную, двигаясь плавно, словно во сне.

— Ты не понимаешь, Андрей, — тихо произнесла она, садясь на край глубокого кожаного кресла. — Ты всегда все меришь своими цифрами, своими доказательствами. Но есть вещи, которые выше этого. Денис... он был в опасности здесь, с нами. В этом мире, который прогнул от лжи и эгоизма. Особенно от твоего эгоизма.

Андрей нахмурился, делая шаг к ней.

— О чем ты говоришь, Лена? Какая опасность?

— Наша семья... она была разрушена изначально, — продолжала она, глядя куда-то сквозь Андрея, в пустоту панорамного окна. — Мы жили во грехе, в погоне за успехом, за вещами. Я сама... ты ведь помнишь, где я работала? В этой коммерческой структуре, где нас заставляли улыбаться и продавать людям ненужные иллюзии. Доктор Волков открыл мне глаза. Он сказал, что это был типичный коммерческий культ, который разрушил мою душу. И эта духовная деформация... она передалась Денису. Это родовая психопатия, Андрей. Наш сын рос в атмосфере энергетического вампиризма и эгоизма. Его нужно было спасти.

Слова Елены звучали дико, сюрреалистично. Она использовала термины, которые явно не принадлежали ей — сложные, псевдонаучные конструкции, смешанные с религиозной риторикой. Андрей узнал этот стиль. Это был тот самый язык, о котором предупреждал журналист Широков, язык доктора Волкова и его отчетов.

— Кто такой доктор Волков? — жестко спросил Андрей, опускаясь перед ней на корточки, чтобы поймать ее блуждающий взгляд. — Лена, посмотри на меня. Этот человек... он внушил тебе все это? Ты ходишь к нему на сеансы?

— Он помогает мне, — Елена слабо улыбнулась, и эта улыбка показалась Андрею пугающей. — Он член экспертного совета. Он знает, как уберечь душу от деструктивного влияния. Он сказал, что Денису нужно пройти очищение. Что лагерь «Светлый путь» — это место, где его научат видеть истину. Где его защитят от современной культуры, которая убивает в детях все чистое.

— Защитят? — Андрей едва сдерживал крик. — Лена, его похитили! Его увезли на машине через дыру в заборе! Твой доктор Волков и его фонд «Ориентир» — это ширма для преступников!

— Нет, — Елена упрямо покачала головой, и в ее голосе впервые прозвучали слабые нотки раздражения. — Ты опять все очерняешь. Ты видишь только заговоры, потому что сам привык всех контролировать. А доктор Волков — святой человек. Он не берет денег за спасение души. Он лишь направляет.

Андрей понял, что спорить с ней сейчас бесполезно. Ее сознание было плотно заблокировано, обработано профессиональным манипулятором, который использовал ее чувство вины после развода и краха карьеры, чтобы сделать ее абсолютно послушной. Она была не просто подавлена горем — она была запрограммирована принимать происходящее как должное.

— Я сделаю чай, — тихо сказала Елена, поднимаясь с кресла. — Доктор Волков прописал мне специальный травяной сбор. Он помогает успокоить разум и принять волю... принять то, что должно случиться.

Она медленно пошла в сторону кухни, оставив Андрея одного в гостиной.

Как только за Еленой закрылась дверь кухни и послышался тихий шум закипающего чайника, Андрей начал действовать. Его движения были быстрыми, бесшумными и точными. Он должен был найти хоть какую-то зацепку, подтверждающую связь Елены с Волковым и фондом «Ориентир».

Он подошел к консольному столику в прихожей, где обычно лежали ключи, квитанции и почта. В выдвижном ящике царил идеальный порядок — еще один признак того, что жизнь Елены теперь подчинялась какому-то жесткому внешнему регламенту. Среди аккуратно сложенных счетов за коммунальные услуги Андрей заметил плотную глянцевую брошюру.

На обложке был изображен деревянный дом на фоне восходящего солнца, пробивающегося сквозь сосновые ветви. Сверху крупными буквами было написано: «Центр духовного попечения и реабилитации “Рассвет”».

Андрей быстро перевернул страницу. Текст внутри был составлен профессиональными психологами, использующими манипулятивные техники. Каждое предложение было направлено на то, чтобы вызвать у родителя чувство глубокой тревоги за своего ребенка и тут же предложить решение.

«Современный мир агрессивен к неокрепшей детской душе. Интернет, деструктивные субкультуры, коммерческие культы и эгоизм родителей разрушают личность ребенка изнутри. Центр “Рассвет” предлагает уникальную программу изоляции и духовной коррекции. Мы спасаем детей от пагубного влияния современной культуры, возвращая им чистоту восприятия и уважение к традиционным ценностям. Наш метод — это не просто педагогика, это извлечение из зоны духовного заражения».

На последней странице брошюры стояли контакты центра и логотип фонда «Ориентир». Но внимание Андрея привлекла не только брошюра. Под ней лежал небольшой лист бумаги — приходный кассовый ордер от 14 ноября, выданный всего за неделю до исчезновения Дениса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.